

«Последняя тайна советской литературы»: Александр Эткинд о Всеволоде Иванове | «Le dernier mystère de la littérature soviétique»: Alexander Etkind sur Vsevolod Ivanov

Auteur: Алексей Евстратов , , 04.04.2019.

Александр Эткинд во время лекции в Лозаннском университете (© А. Evstratov)

В конце марта Александр Эткинд, профессор Европейского университетского института во Флоренции и один из самых читаемых современных историков русской культуры, был гостем швейцарских университетов.

|

Alexander Etkind, professeur de l'Institut universitaire européen (Florence) et l'un des historiens de la culture russe les plus lus, était l'invité des universités suisses à la fin du mois de mars.

«Le dernier mystère de la littérature soviétique»: Alexander Etkind sur Vsevolod Ivanov

Его исследованиям русских сект в 19 и 20 веках и культуре памяти в современной России был посвящен целый день аспирантской весенней школе по славистике в Лейзане, а для своей лекции в Лозаннском университете Александр Эткинд выбрал неподцензурные романы советского писателя Всеволода Иванова: с одной стороны как будто маргинального и загадочного фигуранта советской культурной жизни, а с другой – персонажа, неожиданно близкого самому исследователю.

Всеволод Иванов (1895-1963) дебютировал накануне Революции и вскоре после нее, ободряемый Максимом Горьким, примкнул к литературному объединению «Серапионовы братья». Иванов был далеко не единственным среди писателей 1920-30-х годов, кто обладал несколько авантюрной биографией. Как и его «братья» по объединению (например, Михаил Зощенко), Иванов активно работал над собственным биографическим мифом (достаточно почитать его автобиографический роман «Похождения факира»), который с удовольствием воспроизводят и специалисты, и непрофессиональные поклонники творчества писателя.

Выступая в Лозанне, Александр Эткинд рассматривал Иванова на фоне больших парадигм изучения советского человека. «Есть два подхода к советской литературе, советской культуре. Один идет от Троцкого, он стал известен у американских историков под лозунгом «советской субъективности». Этот подход состоит в том, что советские люди вообще и советские писатели в частности, формировали себя так, чтобы соответствовать советскому идеалу, полученному от классиков марксизма. Советская культура была целостной, динамичной и имела формирующее, программирующее что ли влияние на тех людей, которые стали ее носителями. А другая традиция – это традиция внутренней свободы, традиция двоемыслия. Если первый подход рассматривает советскую культуру как целостность, то второй, наоборот, видит в ней расщепленность. Рассматривая Иванова, мы имеем образцовый случай, case, чтобы сделать выбор между этими двумя концепциями», – пояснил он свою исходную позицию.

Раздвоенность жизни Иванова прекрасно иллюстрируется тем фактом, что, будучи секретарем правления Союза советских писателей и председателем Литературного фонда, он продолжал писать в стол экспериментальную прозу. Образчиком этой прозы, которая увидела свет только в 1980-е годы, и посвятил свою лекцию Эткинд. По его словам, романы «Кремль», «У» и «Проспект Ильича» представляют собой попытки ответить на вопрос об отечественных корнях большевизма. Иванов и в 1940-е годы был читателем философских книг, от Аристотеля до Бергсона, однако его попытки осмысления исторических сломов явлены в прозе, написанной не только не для печати, но и не для чтения. Как пишет Эткинд в статье, посвященной Иванову, романы, писанные в стол, – это «то ли апостольское послание, предназначенное

потомкам через головы современников; то ли сочинение графомана, которое, как он убедился, нельзя показывать коллегам; то ли добросовестная и, что необычно для советских условий, лишенная позы и героизма работа писателя, делающего свое дело в самых неподходящих для этого условиях».

Несмотря на укорененность биографии Иванова в советских реалиях, Эткинд обратил внимание на то, что писатель объединил в своих неопубликованных произведениях сферы интересов самого исследователя: «Его интеллектуальные интересы оказались удивительно похожи на мои. Дело в том, что его главные сочинения – это роман «Кремль» о русских сектах, и роман «У» – о московском психоаналитике. Он также занимался вещами, которыми я не так интересуюсь – охотой в Сибири или геологией, но меня, я помню, заворожило: вот этот советский писатель, который живет совершенно чуждой мне жизнью, а его интеллектуальные интересы, его чувство, прямо драйв воплотить эти интересы, это свое понимание России, истории, культуры, цивилизации – примерно такие же, но в другом жанре (в жанре фикшн, я-то пишу нон-фикшн)... Вот это совпадение, двойное совпадение».

Не удивительно поэтому, что Иванов оказывается героем и разных книг Эткинда («Эрос невозможного» (1993) и «Хлыст» (1998)), и обширной статьи 1999 года, в которой, в частности, говорится о разбивавшихся в лекции романах: «Такие тексты, публикуемые эпоху спустя, способны перевернуть сложившиеся представления о литературном процессе».

Как именно «такие тексты» меняют наши представления о литературном процессе, Эткинд пояснил на лозаннской лекции: «Литературный процесс в нормальных условиях выглядит так: писатель пишет, издатель печатает, читатели читают. Среди читателей появляются новые писатели, которые на основе того, что они прочитали, пишут новые тексты. И это происходит более-менее непрерывно. Литературная история так развивается. Переломы этой непрерывной континуальности называются «поколения» – например, «поколение 20-х годов».

В русской литературе есть очень важные тексты, которые долго не печатались: «Реквием» Ахматовой, «Мастер и Маргарита» Булгакова. Если брать литературу имперского периода, – например, «Демон» Лермонтова. Он не печатался еще дольше, чем «Реквием», по чисто цензурным соображениям. Если бы «Демон» Лермонтова был напечатан тогда, когда он был написан, и следующее литературное поколение писало бы свои сочинения, зная, что уже все его читали, то можно предположить, что русская литература была бы другой. Потому что, когда «Демон» был напечатан, Лермонтов стал очень популярен среди символистов. А потом, когда это печатается, то архивные публикации становятся открытиями всемирно-исторического значения, как публикация «Мастера и Маргариты». И они задним числом меняют представление о литературном процессе, который, возможно, развивался бы иначе. Условно говоря, если бы литературный бонза Иванов опубликовал роман «У», все бы начали ему подражать».

Если свобода писать в стол – «последняя степень писательской свободы», то чтение этих текстов сопряжено с особым исследовательским удовольствием, которое донес до аудитории лектор. Сложности с датировкой рукописей, привязкой романов к литературному контексту, их одновременная исключенность из своей эпохи и включенность в нее, – все это освежает взгляд современного читателя и освобождает от узко-исторических прочтений.

Разбирая роман «У», впервые опубликованный в Швейцарии в 1982 году, Эткинд остановился на сцене, извлеченной из бреда сумасшедшего и резонирующей с текущим политическим моментом и его трансформациями в СМИ и пропагандистских механизмах.

«На двух высоких табуретах перед тысячной толпой встали братья А. и Н. Юрьевы и попеременно, потому что орать надо было сильно, чтобы быть услышанным всем рынком, произнесли речь. Сущность этой речи, как мне передавали, заключалась в том, что по общему мнению Америка медленно, но непоколебимо побеждает и победит весь мир, начиная с Англии и кончая Советским Союзом. Для этой великой войны там производятся огромные приготовления, но так как для победы и для удержания власти необходимо сосредоточить полноту властвования в одних руках, то в Америке неизбежно появление императора. Однако, какой же император без короны? А заказать корону американским ювелирам нельзя в силу их бездарности и в силу того, что противная партия может разоблачить, поэтому-то глава партии, под видом интуриста, приехал в СССР, нашел их, лучших ювелиров XX столетия, и заказал им, тайком от советской общественности, корону».

Впрочем, если предположить, что Иванов остался верен эстетическому кодексу «Серапионовых братьев», то вряд ли бы он стал поверять прозу политической дальновидностью ее образов. Вымысел куда важнее, чем история. В этом смысле загадочные романы писателя и являются дверью в лабораторию «последней тайны советской литературы». Об этом же писала художница Валентина Ходасевич. Александр Эткинд завершил свою лекцию цитатой из её воспоминаний: «Вероятно, если бы в своей жизни Всеволод Вячеславович встретил меньше плохих людей, он смог бы любовь и нежность ко всему сущему полной мерой воздавать и человеческим особям и быть очень счастливым. Но этого, к сожалению, не случилось — он закрыл свое талантливое и доброе сердце для многих и для многого. А будучи человеком очень ранимым, скрывал это, как некую тайну. И жил он, хотя среди людей, но слегка отшельником, слегка волшебником».

[швейцарская литература](#)
[литература швейцария](#)

Source URL:

<https://dev.nashgazeta.ch/news/culture/poslednyaya-tayna-sovetskoy-literatury-aleksandr-etkind-o-vsevolode-ivanove>